

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. И. Мусаев

КОНФЛИКТЫ ВОКРУГ ПРАВОСЛАВНЫХ ОБИТЕЛЕЙ НА ЛАДОГЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Положение русских православных обителей на островах Ладожского озера — Спасо-Преображенского монастыря на Валаамском архипелаге и монастыря во имя Рождества Пресвятой Богородицы на острове Коневец, оказавшихся с 1811 г. в составе автономного Великого княжества Финляндского, в XIX — начале XX в. было двойственным. С одной стороны, можно было говорить о расцвете монастырей, особенно Валаамского, с хозяйственной и культурной точки зрения. С другой стороны, в условиях сохранения в силе на территории Великого княжества старых шведских законов, ограничивавших права других конфессий, помимо евангелическо-лютеранского, правовое положение обоих монастырей было весьма шатким. Свою негативную роль играло и общее усиление в Финляндии на рубеже столетий антирусских и антиправославных настроений, вызванное обострением отношений с имперским центром, взявшим курс на ограничение финляндской автономии.

Весьма напряжённая ситуация вокруг православных ладожских обителей сложилась к началу 1910-х гг. В конце 1900-х гг. возникла конфликтная ситуация из-за попыток местных властей обложить монастырские владения налогами, несмотря на то, что, согласно статьям 32 и 33 V тома Свода законов Российской империи, все недвижимые имущества духовного ведомства, которые не сдавались в аренду и не приносили дохода, были свободны от обложения налогами. Валаам к тому же был освобождён от налогов особыми высочайшими грамотами. Однако волостной старшина г. Кронборга предъявил монастырю требование об уплате ежегодного оброка в размере 64 марок 54 пенни. А община Пюхьярви

на Карельском перешейке, приравняв земли Коневского монастыря к частновладельческому, на основании § 78 Высочайшего постановления о сельском общинном управлении от 15 июня 1898 г., в 1909 г. обложила монастырь общинным налогом¹. Напряжённость также была связана с обострением имущественных разногласий на Ладого, сторонами которого были оба монастыря. В особенности это касалось Валаама. «Московские ведомости» напоминали о том, что для Валаамского монастыря по-прежнему действовал установленный в 1878 г. запрет на приобретение недвижимой собственности, хотя, согласно указам 1901 и 1903 гг., российские подданные имели право свободно приобретать землю в Финляндии. Газета настаивала на том, что это ограничение должно было как можно скорее быть отменено². Об этом же писала и «Финляндская газета», обращая внимание на то, что Коневский и Линтульский монастыри правом приобретения недвижимости пользовались³.

Между тем Валаамский монастырь не только не мог думать о каких-либо новых приобретениях, но ему приходилось отстаивать своё право на владение несколькими находившимися в его собственности ладожскими островами. Некоторые острова, принадлежавшие монастырю, сделались предметом вождения со стороны окрестных жителей. Как сообщалось в прессе, финны решили воспользоваться действовавшим в Великом княжестве законом, согласно которому недвижимое имущество любого собственника, если оно является необходимым для общественных надобностей, ради таковых могло быть экспроприровано. Газета «Колокол», в частности, писала: «Местные финны подали в Сенат прошение, в котором наивно доказывали, что эти острова имеют “огромное общественное значение”, так как они представляют собой лучшие места для рыболовного промысла, а монастырь, захватив эти острова, якобы тормозит развитие этого промысла на Ладожском озере»⁴.

К Сенату была обращена просьба об отчуждении у монастыря семи островов. Сенат назначил для расследования дела особую комиссию, которая осенью 1909 г. посетила и исследовала упомянутые острова и составила ряд условий, некоторые из которых сообщались в прессе: «§ 1. Рыболовы могут, не ограничивая права монастыря и не увеличивая своего права на рыбную ловлю, высадиться ради последней на принадлежащие Валаамскому монастырю острова. § 2. Рыбаки имеют право на безвозмездный отпуск от монастыря помещения для жилья и др. § 3. Монастырь отпускает рыбакам лес на приготовление весел, а также и на другие, необходимые при ловле рыбы, предметов. § 6. Условия эти имеют силу не менее пяти лет». «Колокол» так комментировал эти условия: «Все эти условия поражают своей дерзостью и экспроприаторской неприкосновенностью, а § 6, кроме того, является наглым нарушением

Высочайшего постановления от 14 июля 1898 г. за № 27. В самом деле, финны, захватив фактически эти острова, будут наивно утверждать, что они “не ограничивали прав мон[астыря] на рыбную ловлю”; а § 3 своей неопределённостью и растяжимостью даёт им большой простор завладеть монастырскими лесами, под предлогом “приготовления весел и других необходимых при ловле предметов”. Извольте доказывать, что финны не на весла рубят беспощадно лес. По Высочайшему постановлению от 14 июля 1898 г. отчуждение собственности для общественных надобностей может быть произведено только на 4 года, а финны в своих притязаниях требуют, чтобы это отчуждение имело силу не менее пяти лет». Газета заключала: «Экспроприаторские ухищрения финнов шиты белыми нитками по-чёрному. Кто же не понимает, что все это дело в корне своём имеет желание финнов нанести материальный ущерб русской цитадели православия — Валаамскому монастырю, но так как прямыми средствами это они сделать бессильны, то хотяг соблюсти лояльность, поставив вопрос на законную, якобы, почву»⁵. Добиться отчуждения островов финской стороне, как явствует из прессы, всё же не удалось: Сенат весной 1911 г. рассматривал тяжбу Валаамского монастыря с финляндской казной о праве владения несколькими островами и признал право владения спорными островами за монастырём, хотя и отказал ему в просьбе о возмещении судебных издержек⁶.

Другим вопросом, ставшим предметом переговоров между монастырём и сенатской комиссией, стало право местных рыбаков высаживаться на монастырских островах во время непогоды или в силу поломки судов. В «Церковных ведомостях» цитировалось сообщение газеты «Лаатокка» об этих переговорах: «Назначенная сенатом комиссия для ведения переговоров с владельцами островов на Ладожском озере о предоставлении рыбопромышленникам права во время ненастной погоды и в иных случаях, по мере надобности, приставать и сходить на берег островов, закончила предварительные переговоры. Валаамский монастырь через своих уполномоченных заявил, что в принципе он ничего не имеет против этого, но жалуется, что рыбопромышленники, в былое время, причинили монастырю много беспокойств, что и послужило причиной, что монастырь вынужден был запретить рыбакам доступ на монастырские острова»⁷. Комментируя это сообщение, «Ведомости» указывали, что рыбаки уже пользовались таким правом, что приводило к всевозможным недоразумениям: «Рыбаки располагались на монастырских островах, как дома, и вели себя как хозяева; торговали водкой, табаком и т. п. недопустимыми в монастырях предметами, рубили монастырские леса и сожгли на одном острове весь монастырский лес. Сделано ли это по неосторожности или по злобе — неизвестно, но факт тот, что монастырь лишился цен-

ного леса. Возможна и злая воля, так как не раз дело доходило до кощунств и преступного осквернения “культурными” и “лояльными” финляндцами православной святыни». Это и вынудило монастырь запретить посещение своих владений без особой надобности. Разрешить доступ на острова вновь он не возражал, но хотел бы «гарантировать себя от тех беспокойств и бесчинств, которыми уже зарекомендовали себя финляндские рыбаки»⁸.

Между тем основания опасаться самых неприятных последствий от посещения Валаамских островов местными рыбаками действительно имелись. Становились известными факты, когда финны ловили рыбу и промышляли тюленей в монастырских владениях, воровали или портили монастырские снасти. Как сообщалось в газете «Свет», когда дело дошло до судебного разбирательства, виновные были оштрафованы на 20 марок каждый. Такой незначительный штраф не только не умерил пыл рыбаков, но и придал им храбрости: они стали приезжать на острова десятками⁹. В августе 1911 г. имел место вопиющий случай святотатства на принадлежавшем Валаамскому монастырю острове Сосновец. Деревянная часовня на этом острове была подвергнута полному разгрому: окна часовни были перебиты, стены изрешечены дробью; находившиеся в часовне образа Богоматери с младенцем и святых Сергия и Германа были изрезаны ножом. Ещё один неприятный инцидент произошёл в ночь на 1 сентября, когда из десяти только что поставленных монастырских сетей три были украдены, остальные изрезаны¹⁰.

Финляндский генерал-губернатор Ф. А. Зейн предписал Выборгскому губернатору произвести дознание и привлечь виновных к ответственности. О ходе дознания сообщали «Окраины России»: «Согласно недавно поступившему донесению Выборгского губернатора, полицейскими властями, производившими дознание, обнаружены новые веские улики против некоторых окрестных крестьян и рыбаков, причём дознанием установлено, что несколько рыбаков минувшим летом неоднократно посещали означенную часовню, которая служила местом для развлечений и ночлега для них и нескольких местных крестьянских девиц. Выборгским губернатором отдано предписание салминскому ленсману, выступающему в уездном суде в качестве общественного обвинителя по настоящему делу, требовать присуждения виновных к высшей мере взыскания»¹¹. В декабре 1911 г., по сообщению «Голоса Москвы», коронный ленсман сердобольского участка донёс Выборгскому губернатору о высадке на принадлежавшем монастырю острове Мэккерикэ 40 рыбаков, «начавших там производить воровскую ловлю рыбы». Полицейским констеблям Валаама не удалось удалить этих рыбаков с острова, и губернское правление командировало им в подкрепление 10 констеблей из Выборга¹².

Подобными происшествиями проблемы Валаамской обители не ограничивались. В прессе стали появляться сообщения о хулиганских выходках финских «экскурсантов» в ходе «увеселительных» поездок на Валаам. Один такой случай, имевший место в июле 1911 г., был описан в нескольких финских газетах, материалы из которых были перепечатаны в русской прессе. Одна из заметок об этом инциденте была помещена в «Церковных ведомостях»: «В ночь на 11 июля (нового стиля, т. е. 28 июня по старому стилю; в некоторых других газетных сообщениях этот инцидент был датирован 16 июля н. ст., т. е. 3 июля ст. ст. — В. М.) пароход "Karjala" прибыл на Валаам с гуляющей публикой из Ляскеля. В числе этой публики было несколько пьяных рабочих Ляскельского завода. Со страшным шумом они пошли к монастырской гостинице и стали стучаться, требуя впуска. Монахи, естественно, не хотели принимать пьяных скандалистов, но эти последние ворвались насильно и подняли внутри гостиницы такой скандал, что спавшие жильцы повскакали и были охвачены ужасом, тем более что финляндцы начали вламываться в некоторые комнаты. Громадная монастырская гостиница, содержащая около 900 номеров, была набита битком. Незадолго перед тем был Петров день, один из главнейших праздников монастыря, и на Валаам стеклось от 5 до 6 тысяч богомольцев. Значительная часть их ещё оставалась в обители. Так как финляндские насильники даже избивали монахов, которые старались унять их, то пришлось позвать полицейских чинов, находящихся на острове. Они выгнали хулиганов. В цветниках перед гостиницей хулиганы тоже натворили много вреда. Прекрасные декоративные растения частью срезывали ножами, частью вырывали с корнями и растаптывали»¹³.

Тем же летом при проведении крестного хода вокруг монастыря прибывшие на остров финны, как сообщалось в «Земщине», «во время процессии явно издевались над религиозным чувством присутствующих: не снимали демонстративно перед проходящими образами своих шапок, смеялись, орали, безобразничали, потом, во время трапезы, кричали служкам — "жрать пора, давай обедать!"». Несколько человек вошли в церковь и начали ломиться в алтарь¹⁴. Даже в самой финской прессе стали появляться статьи с осуждением поведения дебоширов на Валааме. В «Церковных ведомостях» была приведена заметка из газеты «Райя Карьяла»: «Неужели, однако, таким образом с нашей стороны оплачивают за радушный прием и гостеприимство, которое выказывается монастырём приезжим? Ведь там каждого приезжего кормят даром, дают приют и вообще любовно принимают! Если же такое бесстыдство по отношению к монастырю со стороны финнов будет продолжаться, то монастырские власти будут вынуждены прекратить доступ в монастырь

и благопристойным нашим гражданам, что лишило бы многих из них случая знакомиться не только с чуждою для них монастырской жизнью, но и любоваться красивыми видами монастырского острова»¹⁵. Газета «Россия» по поводу инцидентов на Валааме замечала: «Более образованные из финнов, посещающих монастырь, ведут себя довольно чинно и лишь потом не могут удержаться о того, чтобы в своих газетах не поглумиться над виденными в монастыре обрядами православия. Финны попроще, начитавшись таких глумлений, позволяют себе в монастыре и скандалы, к великой досаде и огорчению как самих монахов, так и русских и карельских богомольцев»¹⁶.

Разного рода инциденты имели место и на острове Коневец. О них общалось, в частности, в корреспонденции, помещённой в одном из номеров «Православного Финляндского сборника»: «Посещающие монастырь финны, при всяком удобном и неудобном случае, проявляют явное недоброжелательство. Приезжающие в летнее время на лодках, в особенности в большие летние праздники, ведут себя невозможно, не только на острове, но даже и в самом храме, покупают свечи и поступают с ними неподобно; приобретают образки св. угодников и прикрепляют их на верхнее платье в виде розеток; в устроенном у гостиницы садике вырывают беспощадно цветы, ломают заграждения, и даже часто бывает оскорбление святынь; так в святом колодеце, существующем с основания монастыря, каждый раз, особенно после массового появления финнов, находят различные непристойные отбросы до окурков и спичек включительно, несмотря на то, что колодец закрыт частой проволочной решёткой и над ним водружён крест. (...) В осеннее глухое время положение обитатели ещё более ухудшается: прибрежные рыбаки высаживаются на острове, где им вздумается, и распоряжаются, как полновластные хозяева, пользуясь отсутствием русских властей: рубят на топливо лес, разводят костры, которых по отъезде своём никогда не тушат, сети свои ставят вблизи монастырских»¹⁷. В корреспонденции указывалось на бездеятельность властей, неспособных или не желавших пресекать подобные недоразумения: «За всё время таких неприятностей только один раз, в 1909 г., монастырь настоял, чтобы полицейский задержал некоторых лиц, производивших особенные беспорядки во время храмового праздника у святых ворот; а по обыкновению или не добиться от финских властей никаких результатов, или тот же полицейский за массою безобразничающих не может или не хочет установить точно личности виновных»¹⁸.

В очерке «Православная Карелия» был помещён рапорт настоятеля Коневского монастыря игумена Никандра в Финляндскую духовную консисторию от 20 октября 1911 г., в котором сообщалось о поведении финнов на острове. В рапорте говорилось, что финские рыбаки в тёмное

время суток приставали к берегам острова, бесконтрольно разводили костры, нередко становившиеся причиной лесных пожаров, разоряли монастырские огороды, воровали вещи из рыбацкого дома на мысе Варгусы. О поведении «экскурсантов», приезжавших на остров в летние праздничные дни, настоятель сообщал: «Не говоря уже о шуме и безобразиях при самой высадке на берег Коневца, производимых подобными посетителями, приезжающими, по большей части в пьяном виде, они дерзают нарушать благочиние и в самом храме Божьем. Ежеминутно, в сопровождении своих дам, с топотом входят и выходят они из церкви, грубо толкают богомольцев и нарушают молитвенное настроение присутствующих, что особенно бывает прискорбно в более торжественные минуты богослужения. Неприличие их поведения на острове доходит до невозможного: драки пьяных между собой, торговля привозимой с материка водкой, картёжная игра, песни, пляска, курение табаку у Св. ворот, вырывание с корнем молодых древесных насаждений и цветов, злые насмешки над братией и угрозы ножом на делаемые замечания о неблагопристойности их поступков — самые обычные явления, сопровождающие увеселительные поездки на Коневец культурных финляндских граждан. Наблюдались также случаи осквернения часовен и других мест благоговейного почитания верующих»¹⁹.

Руководство Линтульского женского Свято-Троицкого монастыря на Карельском перешейке также неоднократно обращалось в канцелярию генерал-губернатора с жалобами на акты вандализма, которые позволяли себе местные жители на монастырских землях. Архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) вынужден был обращаться к местным властям с ходатайством о пресечении самовольных порубок деревьев в принадлежавших монастырю лесах²⁰.

Ещё с конца 1909 г. стал подниматься вопрос об организации охраны ладожских монастырей военной силой. В ноябре 1909 г. игумен Коневского монастыря Никандр обратился к архиепископу Сергию «с ходатайством об оказании содействия к защите названного монастыря от обид и оскорблений, чинимых ему со стороны финляндцев, и о размещении в сих видах, по близости от почтовой станции Сортанлахти небольшой воинской части, под охраной которой древняя и чтимая обитель сия могла бы быть спокойна за свою неприкосновенность»²¹. Генерал-губернатор Ф. А. Зейн обратился к командиру 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанту Ольховскому, который сообщил в ответ, «что в виду большой трудности установления воинской охраны Коневского и Валаамского монастырей как меры постоянной или хотя бы временной, он полагал бы соответственным направлять время от времени в Сердоболь команды разведчиков для производства обычных упражнений, об организации

коих, начиная с ближайшего времени, им уже ныне отдано распоряжение». Ф. А. Зейн всё же продолжал настаивать на размещении в Сердоболе, по возможности, отдельной воинской части, исходя, помимо прочего, из тех соображений, что «постоянное присутствие значительного количества русских людей в этом городе, который является исходным пунктом панфинских влияния в Карелии, несомненно будет благотельно в смысле протиговеса натиску финской культуры среди искони русского населения». Кроме того, он предписал Выборгскому губернатору и начальнику Финляндского жандармского управления усилить наблюдение в районе расположения обоих монастырей²².

17 декабря 1909 г. военный министр В. А. Сухомлинов уведомил премьер-министра П. А. Столыпина о том, что командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич отдал распоряжение о посылке в Коневский монастырь для его охраны воинской команды из состава Выборгского гарнизона²³. Архиепископ Сергей 11 февраля 1910 г. сообщал Ф. А. Зейну, что, по мнению монастырского руководства, о командировании воинских команд в монастыри для их охраны следует ставить вопрос лишь в крайнем случае. Пока же было достаточно мер, уже принятых в целях организации охраны монастырей²⁴. В итоге из Выборга и Вильманстранда в том же месяце были командированы две команды из состава 22-го корпуса, общей численностью в 130–150 человек, в Сердоболь и Сортанлахти, первоначально на неделю, после чего их пребывание при необходимости можно было продлить. Мера, видимо, возымела действие, так как по прошествии назначенной недели архиепископ Сергей выражал благодарность генерал-губернатору от себя и от имени руководства Коневского монастыря за содействие в умиротворении положения²⁵. Однако, как видно из изложенного выше, инциденты на монастырских островах имели место и позднее.

Следствием скандалов на Валааме и Коневце стали новые запретительные меры. В середине января 1912 г. появился приказ генерал-губернатора Ф. А. Зейна о запрещении лицам лютеранского вероисповедания посещать Валаамские острова и остров Коневец²⁶. В марте 1912 г. указом Выборгского губернатора было издано объявление, которым «всем лицам, принадлежащим к рабочему классу, а также местным жителям городов и приходов, граничащих с Ладожским озером, за исключением лиц православного вероисповедания», запрещалось, под угрозой штрафа в 25–250 марок, «совершать увеселительные поездки или иные экскурсии в Валаамский и Коневский монастыри и на принадлежащие им острова без особого распоряжения монастырского начальства»²⁷.

В создавшихся условиях возник вопрос о присоединении Валаамских островов и Коневца с расположенными на них православными мона-

стырями к России²⁸. «Церковные ведомости» приводили мнение некоей финской газеты о том, что любые попытки отделить от Финляндии Выборгскую губернию или её часть встретят негативную реакцию, «но если речь идёт лишь об отделении монастырских островов Валаама и Коневца, то это можно произвести, не нарушая финляндских законов»²⁹. Когда в 1910 г. появился проект о присоединении к России двух волостей на Карельском перешейке — Кивеннапа и Уусикиркко (Новая Кирха), некоторые российские газеты стали высказываться в том духе, что вместо этих волостей важнее было бы решить вопрос с православными обителями на Ладогe. Авторы «Русского знамени», к примеру, писали: «Нам грустно тут только одно — неужели древняя Валаамская обитель менее значительна и важна, чем интересы дачников и господ собственников? Если решаются позаботиться об этих собственниках и дачниках, то почему же оставляют в пренебрежении Православную обитель? Валаамский монастырь был только что разгромлен финнами, на Валаамском острове у самого монастыря финны, как в своей земле, устроили гостиницу с продажей водки и табаку и — ни обсуждения по этому поводу в совете министров, ни комиссии, ни законопроекта, ни товарища министра С. Е. Крыжановского... И в то время как хлопочут присоединить к русскому государству дачные местности Кивинебского и Новокирхского приходов, и не думают о том, чтобы оградить русской границей православную святыню, равнодушно оставляя её на поругание полудиких финнов»³⁰. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер в июне 1912 г. лично выезжал на ладожские острова в связи с вопросом об их возвращении России. Синодальные круги придерживались, однако, того мнения, что ввиду важности для всей Русской церкви миссионерской и просветительской деятельности Валаамского и Коневского монастырей в Финляндии выводить их из состава Финляндской епархии было бы нецелесообразно³¹.

После 1917 г. ладожские обители оказались на территории независимой Финляндии. При всех сложностях, которым насельникам монастырей пришлось пережить в изоляции от России и от Русской церкви, следует признать, что в Советской России судьба монастырей могла оказаться значительно более тяжёлой, о чём свидетельствует участь многих русских православных обителей в конце 1910-х — 1920-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Финляндская газета. 1913. 25 октября (7 ноября).

² Московские ведомости. 1912. 3 апреля.

³ Финляндская газета. 1913. 25 октября (7 ноября).

⁴ Колокол. 1910. 30 декабря.

- ⁵ Там же.
- ⁶ Речь. 1911. 3 мая.
- ⁷ Прибавление к Церковным ведомостям. 1910. № 13. С. 589.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Свет. 1911. 28 сентября.
- ¹⁰ Колокол. 1911. 11 сентября; Русское знамя. 1911. 16 сентября; Новое время. 1911. 27 сентября; Земщина. 1911. 28 сентября.
- ¹¹ Краины России. 1912. 14 января.
- ¹² Голос Москвы. 1911. 24 декабря.
- ¹³ Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. № 40. С. 1676. См. также.: Финляндская газета. 1911. 10 (23) июля; Россия. 1911. 14 июля; Голос Москвы. 1911. 21 июля.
- ¹⁴ Земщина. 1911. 27 августа.
- ¹⁵ Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. № 41. С. 1732–1733.
- ¹⁶ Россия. 1911. 14 июля.
- ¹⁷ Православный Финляндский сборник. 1910. № 2. С. 104–105.
- ¹⁸ Там же. С. 104.
- ¹⁹ Православная Карелия. Очерк. Пг., 1914. С. 50–51.
- ²⁰ Kansallisarkisto. Kenraali-kuvernöörin kanslia (далее: КА. ККК). 1916, Fb 1161.18:3
- ²¹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 250. Л. 3.
- ²² Там же. Л. 4–5.
- ²³ Там же. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Л. 12–13.
- ²⁵ КА. ККК 1909, Fb 454.XLIII.
- ²⁶ Земщина. 1912. 20 января.
- ²⁷ Православная Карелия. С. 55.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 51. Д. 111. Л. 33 об. — 34.
- ²⁹ Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. № 26. С. 1143.
- ³⁰ Русское знамя. 1911. 18 августа.
- ³¹ Утро России. 1912. 20 июня.

ЛИТЕРАТУРА

Мусаев В. И. Между Западом и Востоком: православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е — 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2014. 546 стр.

Православная Карелия. Очерк. Пг.: Гос. тип., 1914. 143 стр.

Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 500 стр.

Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1997. 202 стр.

Anttila R. Karjalan luostarit: Valamo, Petsamo, Konevitsa, Lintula. Humpvila: KR-kirjat, 1994. 128 s.

Arseni, arkkimandriitta. Valamo — Pietari: hengellisiä, aineellisia ja kulttuuriyh-
teyksiä Laatokan Valamon ja Pietarin välillä 1716–1917. Heinävesi: Valamon luostari,
2003. 155 s.

Arseni, pappimunkki, Korhonen A. Konevitsan luostari. Keuruu: Otava, 1993.
144 s.

Finni S. Valamo — sinisen kukan saari. Helsinki: Tammi, 1990. 348 s.

Kohonen N. Valamo ja sen sanoma. Helsinki: Valamon seura, 1982. 287 s.